

МОЖЕЙКО Марина Александровна, доктор философских наук, профессор.

Автор многочисленных публикаций по проблемам философии и культуры, философии языка, философии искусства, социальной философии, философии религии.

Публикуется в журнале «Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў» с 2005 года.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОСТМОДЕРНА: ФЕНОМЕН СЕМИОТИЗАЦИИ БЫТИЯ

Ключевым аспектом постмодернистского мировоззрения выступает презумпция его семиотической (прежде всего языковой) артикулированности реальности. Важнейшим из последствий этого является трактовка языковой реальности как единственной и не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Особым аспектом семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика принятых в этой культуре идеалов описания и объяснения: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарративов.

Коллективное сознание моделирует артефакты в социально-символических актах.

F. Jameson
The political Unconscious

Потребительская и меновая стоимость товара уступают место стоимости знаково-символической.

S. Lash
Sociology of Postmodernism

Сегодняшняя культура, осмыслившая себя в качестве постсовременной (т. е. культуры постмодерна), фундирована специфической картиной реальности, которая строится на основе феномена, получившего в литературе 80–90-х гг. (Ж.-Ф. Лиотар, А. Меджилл, В. Вельш, В. Лейч и др.) название «постмодернистской чувствительности» и

связанного с установкой на восприятие мира как хаоса. Данная установка является результатом рефлексивного осмысления глубинных ориентаций культуры постмодерна, программно релятивизировавшей практически все свои компоненты: технологию, политику, науку, архи-

тектуру, філасофію, сацыялогію, гісторыю, этыку, медыцыну, этнаграфію, все віды іскусства, стыль мышлення, камунікацыйныя стратэгіі, сексуальныя практыкі, тып фемінізму, склад повседажнасці і стыль жыцця, уключаючы моладзевую музыкальную культуру і падрастковыя паведенчыя субкультуры.

В мадэльных прадставленнях о рэальнасці постмодэрнізм, по оцёнке В. Лейча, «создаёт формы порядка как беспорядка» [23, с. 144]. Как пишет Б. Смарт, на смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)» [26, с. 40–68]. Разумеется, интегральная схема видения реальности, представленная «постмодернистской чувствительностью», находит свою спецификацию применительно к различным проблемным полям философии постмодернизма, версифицируясь в различных терминологических традициях. Категориальный аппарат философии постмодернизма находится в процессе эволюции и не стремится к унификации в силу аксиологических презумпций «постмодернистской чувствительности». Однако, несмотря на отсутствие единой терминологии, постмодернизм в философской своей проекции характеризуется фундаментальным парадигмальным единством.

В целом, фундаментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает для постмодернизма отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира: по формулировке Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мы живём в век частичных объектов, кирпичей, которые были разбиты вдребезги, и их остатков» [20, с. 42]. Как отмечает Ф. Джеймисон, в зеркале постмодерна мир «стано-

вится ... хаотичным и разнородным» [11, с. 119]. Состояние постмодерна, по В. Вельшу, «необратимо плюралистично» [6, с. 124]. В ракурсе видения «постмодернистской чувствительности» хаотичность пронизывает все уровни бытия: мир «потерял свой стержень», «превратился в хаос» [9, с. 11]. Социум предстает в постмодернистской социологии (С. Лаш и последователи) как «дезорганизованный капитализм». Сознание оказывается, по Дж. Варду, «плодом познания разбитого мира» [27, с. 158–185]. В вербальной сфере это порождает «невозможный глоссарий» (К. Лемерт) [24, с. 54–69], в дискурсивной – неканонические стратегии дискурсивных практик («еретический дискурс» Б. Смарта [26, с. 108–127]).

И коль скоро культурная традиция сопрягает смысл как таковой с упорядоченной целостностью, организованным гештальтом, постмодернизм осуществляет последовательный отказ от всех элементов данного комплекса. В отличие от классической традиции, полагавшей, по оценке М. Фуко, что «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его» [18, с. 47], постмодернизм констатирует устами Ж. Бодрийера «катастрофу (или “взрыв” – “имплозию”) смысла» [3; 5]. «Мир смысла», по Ж. Делезу, «имеет проблематический статус» [8, с. 133]. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бессмысленности Бытия» [13, с. 273].

Важнейшей презумпцией постмодернистского видения мира, наряду с презумпцией его хаотичности, выступает презумпция его се-

миотической (прежде всего языковой) артикулированности.

Трактовка мира как текста, в сущности, традиционна для европейской культуры (например, неоплатоническая модель мира или средневековая интерпретация бытия как книги божественных смыслов), однако классическая культура всегда разделяла так называемое объективное содержание текста и объект как таковой. В постмодернизме же на смену классическому требованию определенности значения, жесткой соотносительности его с конкретным денотатом приходит программная открытость значения или, по Ж. Бодрийяру, отказ от «эквивалентностей» [5, с. 36].

Бесконечность пересекающихся значений знака, детерминированная бесконечностью его культурных интерпретаций, практически растворяет объект в плюрализме его трактовок. Шекспировскому «*Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...*» противостоит в современной культуре причудливый арабеск порожденных различными традициями, но в контексте микшированной культуры постмодерна наложенных друг на друга значений: роза как радость, жизнь, тайна, тишина, любовь, смерть, Воскресение, красота, слава, гордость, молитва, победа, мученичество, пышность, солнце, му-

жество, женственность, Венера, Дева Мария, число 5, Христос, св. Георгий, творческий порыв, девственность, чувственная страсть, христианская церковь, земная жизнь, гармония мироздания и мн. др. Принятие тех или иных значений задает принадлежность человека к культурной традиции и делает соответствующий объект определенным образом значимым для него, – знание же всех возможных значений в культуре постмодерна растворяет определенность семантики – вплоть до открывающейся в слове возможности означать все, что угодно (что, например, позволяет У. Эко назвать свой роман «именем розы»).

Таким образом, применительно к культуре постмодерна Ж. Бодрийяр фиксирует победу «логики уничтожения собственного референта, логики поглощения значения» [4, с. 67]: стоящее за словом понятие утрачивает денотат как онтологический гарант семантической определенности, – десигнат как идеальный конструкт остается его единственным и весьма условным референтом. Внеязыковое бытие не конституируется в рамках постмодернистской картины мира, где семиозис понимается как единственная форма существования любого феномена, включая и самого субъекта*.

* В данном аспекте философия постмодернизма во многом опирается на идеи структурного психоанализа, в первую очередь – концепцию Ж. Лакана, в рамках которой зафиксирован факт вербальной артикуляции любой формы бессознательного, понимаемого в классическом психоанализе как последний оплот суверенности. В этом контексте субъект характеризуется Ж. Лаканом как «децентрированный», растворенный в формах языкового порядка. Рациональный субъект декартовского типа, равно как и вожделеющий субъект фрейдизма, сменяются деперсонифицированным инструментом презентации культурных смыслов и языка.

В связи со сказанным, наиболее значительная спецификация видения мира, задаваемого «постмодернистской чувствительностью» вырабатывается философией письма и текста. Основой постмодернистской текстологии выступает радикальная критика референциальной концепции знака и отказ от презумпции стабильности значения. Если для классической философии языка традиционным было фундаментальное дистанцирование означаемого (*signatum*) и означающего (*signans*), оппозиция между которыми мыслилась как спецификация глубинной оппозиции между интеллигибельным и чувственным, то современная семиология, выступающая базой для постмодернистской философской парадигмы, трактует феномен значения радикально по-иному. В формулировке Ф. де Соссюра, «означающее немотивировано, т. е. произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [17, с. 101]. Ж. Деррида постулирует «для знаковой цепочки невозможность задержаться на таком означаемом, которое не продолжило бы ее» [10, с. 148].

В постмодернистской ретроспективе традиция философской классики (как и вся классическая традиция западной культуры), будучи фундированной указанной оппозицией *signans/signatum*, породила (именно в силу такой фундированности) своего рода иллюзию референции. Так, в интерпретации Ж. Делеза, «смысл – это, собственно, открытие трансцендентальной философии» [8, с. 134]. По оценке Ж. Деррида, именно и только в рамках этой традиции внетекстовое «трансцендентальное означаемое»

становится «референтом, ...семантическим содержанием или формой присутствия, гарантирующей извне движение ... текста» [10, с. 119]. Анализ постмодернизмом философской традиции ориентирован на прочерчивание вектора от традиционной онтологизации значения ко все более последовательному отказу от самой идеи референции. Если реализм классики задавал своего рода непоколебимую иерархию значений, а модернизм, делая шаг к деонтологизации значения, фундировал свои онтологические построения идеей гипотетического порядка и временного смысла, завязанных на личном опыте субъекта, то постмодернизм основывает теоретические построения на программной презумпции отказа от определенности онтологии, предполагающей принципиальную возможность конструирования любой картины мира – с равной степенью вероятности (или, что для постмодернизма одно и то же, невероятности).

Постмодернистское видение ситуации характеризуется дискредитацией феномена значения как якобы гарантированного внетекстовым означаемым: согласно Ф. Джеймисону, «значение не является однозначным соотношением означающего и означаемого» [11, с. 133]; по формулировке Р. Барта, «уровнем текста является не значение, а означающее» [2, с. 81]; как пишет Ж. Деррида, «с момента, когда мы ставим под сомнение саму возможность... трансцендентального означаемого и признаем, что всякое означаемое есть также нечто, стоящее в положении означающего, различие между означаемым и означающим – самый знак – становится проблематичным в корне» [10, с. 36].

Значение мыслится как сугубо процессуальный феномен: «соединение того, что означает, и того, что означается; это не форма и не содержание, а связующий их процесс» (Р. Барт) [1, с. 233]. Именно этот процесс и оказывается в фокусе внимания философии постмодернизма, причем трактовка значения как порожденного «движением от означающего к означаемому» (Ф. Джеймисон) [11, с. 133] приводит к признанию того, что реально «означающее и означающее суть две стороны одного и того же продуцирования» (Ж. Деррида) [10, с. 32].

Логическим завершением этого концептуального вектора является вывод Ф. Джеймисона о том, что фактически «то, что мы ... называем означаемым ... должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж..., сформированный соотношением означающих между собой» [11, с. 133]. Постмодернизм избавляется от идеи онтологически заданной связи означающего с означаемым в любых ее версиях – будь она под маской репрезентации, денотации, десигнации, сигнификации, номинации, манифестации и т. п. Постмодернистские авторы единодушно постулируют разрушение «самого акта номинации» [1, с. 499], «утопичность денотации» [1, с. 309], «абсурдность сигнификаций и нонсенс денотаций» [8, с. 167], «кризис денотации» [1, с. 293] и т. д. Знаменем времени становится, по оценке К. Брук-Роуз, крах «веры в референциальный язык»: речь может идти лишь о «референциальной иллюзии» текста [19, с. 190]. Слово перестает выступать референтом выраженного соответствующим понятием объекта, обретая сугубо индикативную функцию: так, по Ж. Деле-

зу, слово может выступать лишь в функции произвольного «указателя» или «индикатора», и этот статус не позволяет усмотреть за словом «понятие», определенность содержания которого была бы обеспечена денотатом [8, с. 26].

«Замена реального знаками реального» выступает, по Ж. Бодрийяру, лозунгом культуры постмодерна [5].

Эволюционируя от парадигмы отражения реальности до маркировки ее отсутствия, современная культура, по Ж. Бодрийяру, идет дальше, достигая состояния, когда означающее «вообще не соотносится с какой бы то ни было реальностью», – культура, однако, продолжает «симуляцию реального» [5, с. 35]. Даже производство становится в этом контексте сугубо семиотичной сферой: как отмечается в исследованиях последних лет (Ж. Бодрийяр, С. Лаш и др.), в современном обществе товары артикулируются, в первую очередь, не в аспекте своей потребительной или меновой стоимости, но в аспекте стоимости знаковой. В этом же ключе Ф. Джеймисон фиксирует квазисемиотизацию феноменов художественной культуры, отмечая, что «звезды – наподобие Мерилин Монро» не только трансформировались «в товар (commodified)», но и «превратились в свои собственные образы» [11, с. 125].

В таких условиях «уничтожение последних следов веры в референциальность» оценивается как единственно возможный «путь к истине»: как пишет Р. Барт, «ныне семиология призвана выступать ... против всей символической системы нашей цивилизации; ... расщепить саму систему смысла» [2, с. 82, 83]. И если исход-

но постмодернизм определял свою задачу как необходимость «опустошить знак», то в современной своей версии он пытается смоделировать «логические последствия нерепрезентативного понимания письма» [1, с. 400].

Важнейшим из таких последствий является признание тотальности языка – понимание языковой реальности как единственной и исчерпывающе самодостаточной, т. е. не нуждающейся во внеязыковом гаранте. Постмодернизм развивает заложенную модернизмом идею «крушения реальности» (уже Э. Ионеско писал: «слова превращаются в звучащую оболочку, лишенную смысла» [12, с. 137]). По Р. Барту, «язык – это область, которой ничто не внеположено» [1, с. 522]. При таком подходе культурная универсалия бытия фактически совпадает с универсалией текста. Ф. Джеймсон говорит о «фундаментальной мутации самого предметного мира, ставшего сегодня набором текстов» [11, с. 124].

Согласно Ж.-Ф. Лиотару, постмодернизм зиждется на отказе от идеи автохтонности объекта. Бытие предстает как процессуальность плюральных игр означающего: презумпция квазисемиотизма превращает культуру постмодерна из *зеркала мира* в *зеркало зеркал*, где место реальности занимают: «знаковая реальность» (Б. Смарт), «вербальная реальность» (Р. Виллиамс), «гиперреальность» (Д. Лион) и т. п. Самая кажущаяся непосредственность объекта оказывается сугубо вторичным конструктом, базирующимся на системе избранных аксиологических шкал и культурных приоритетов: иными словами, объект возможен лишь в результате семиотического усиления субъекта.

В этом контексте сознание, по формулировке Р. Барта, является не «неким первородным отпечатком мира, а самым настоящим строительством такого мира» [1, с. 255]. Эта установка может быть зафиксирована как на сугубо концептуальном уровне постмодернизма (для Ж. Деррида «система категорий – это система способов конструирования бытия» [21, с. 91]), так и на уровне художественной практики постмодернистского искусства (эпиграф к классическому постмодернистскому произведению – книге Р. Федермана «Прими или брось: раздутая подержанная история для чтения вслух стоя или сидя» – гласит: «Все персонажи и места действия в этой книге реальны: они сделаны из слов» [22]). Соответственно, Б. Смарт оценивает когнитивную стратегию постмодернизма как переориентацию с «рассудка» как самодостаточной и абсолютной ценности к конструктивному «воображению» [26]. Практически во всех социологически ориентированных концепциях постмодернизма (З. Бауман, С. Бест, Ж. Бодрийяр, Р. Виллиамс, Д. Келлнер, Д. Лион, Б. Смарт) обнаруживаются программный отказ от идеи реальности и исключение соответствующего понятия из концептуальных контекстов: история артикулируется как история языка.

Особым аспектом программной семиотизации бытия культурой постмодерна выступает специфика идеалов описания и объяснения, фундирующих постмодернистскую парадигму современного философствования: такими идеалами являются эксплицитно утверждаемые постмодернизмом нарративность и принципиальная вариабельность нарративов. Под нарративом или нар-

рацией (от лат. *pagare*, означающего языковой акт, т. е. вербальное изложение – в отличие от представления) понимается повествовательный (сообщающий) текст. Атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность: как отмечает Р. Барт, повествование разворачивается «ради самого рассказа, ... вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [1, с. 384]. Понятие нарратива фиксирует процессуальность самоосуществления как способ бытия текста, – идея привнесения смысла в качестве основополагающей заложена в фундамент постмодернистской концепции рассказа. По Ф. Джеймисону, нарративная процедура фактически «творит реальность», одновременно постулируя свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некоей вненарративности реальности [11].

«Повествовательная стратегия» постмодернизма фактически есть радикальный отказ от реализма во всех возможных его интерпретациях, включая литературно-художественный критический реализм, ибо критиковать – значит считаться с чем-то как с объективным; медиально традиционный философский реализм, ибо постмодерн относится к тексту принципиально номиналистично; и даже сюрреализм, ибо постмодерн не ищет «зон свободы» в субъективно-аффективной сфере и потому обретает ее не в феноменах детства, сновидения или интуиции, как сюр, но в процедурах деконструкции и означивания текста, предполагающих произвольность его центрации и семантизации.

Текст, таким образом, квантуется в нарративах, и вне их плюраль-

ности у него нет и не может быть какого бы то ни было так называемого *исходного* (*собственного* или *правильного*) смысла: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному.

Постулируя повествовательные стратегии в качестве основополагающих для современной культуры, философия постмодернизма генерирует идею программного плюрализма нарративных практик, что находит свое выражение в предложенной Ж.-Ф. Лиотаром концепции «заката больших нарративов», развивающей идеи Ю. Хабермаса и М. Фуко о легитимации как механизме придания знанию статуса ортодоксии. По определению Ж.-Ф. Лиотара, «легитимация есть процесс, посредством которого законодатель наделяется правом оглашать данный закон в качестве нормы» [15, с. 143]. На основании «дискурса легитимации» в той или иной конкретной традиции оформляются «большие нарративы» («метанарративы», «великие повествования» – типа идеи эмансипации и прогресса, гегелевской диалектики духа или просветительской трактовки знания в западной культуре [15, с. 140–158]), задающие семантическую рамку любых нарративных практик. Ф. Джеймисон в аналогичном контексте говорит о «доминантном повествовании», «доминантном коде» как «эпистемологических категориях», функционирующих в соответствующей традиции как нерелексируемая система координат, внутри которой осуществляется символическое производство артефактов в той или иной культуре [11].

Специфику постмодернистской культуры (с точки зрения характерной для нее организации знания)

Ж.-Ф. Лиотар усматривает в том, что в ее контексте «большие повествования утратили свою убедительность» [15, с. 152]. Собственно, постмодерн может быть определен, по Ж.-Ф. Лиотару, как «недоверие к метаповествованиям»: «великие повествования» распадаются на мозаику локальных историй, ни одна из которых не претендует на приоритетность [15, с. 141, 145].

Апплицируясь на различные предметные области, концепция «заката больших нарративов» получает широкое распространение и содержательное развитие. Г. Кюннг интерпретирует историю христианства как смену парадигм вероисповедания, которые ставятся им в соответствие с большими нарративами. Современность в этом плане выступает эпохой заката больших нарративов, что предполагает снятие межрелигиозных коллизий и дает «новый шанс для религии» в смысле обретения ею адекватного места в плюрализме мировоззренческих парадигм [14]. Применительно к когнитивным аналитикам идея «заката больших нарративов» инспирирует конституирование Дж. О'Нийлом «толерантной стратегии знания» или стратегии «взаимности (mutuality)», ориентированной на «взаимное значение» различных версий мироинтерпретаций, в отличие от классической нонконформистской «стратегии противостояния (alterity)» [25, с. 13–94, 157–177]. Аналогичные выводы сделаны Д. Мак-Кенсом применительно к современной этике [16].

В этом контексте постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи конституирования традиции, что находит теоретическое выражение в фигуре «мертвой руки» (К. Брук-Роуз), заимствованной

постмодерном из юридической практики, где она означает владение без права передачи по наследству [19, с. 187]: отказ от традиций – это, по существу, единственная традиция постмодерна. Универсальным принципом построения культуры постмодерна оказывается принцип плюрализма.

В данной системе отсчета наличие или даже аксиологическое доминирование одного (выделенного, избранного, признанного приоритетным) типа дискурсивных практик оказывается невозможным в постмодернистском контексте: подобный «дискурс легитимации» (Ж.-Ф. Лиотар) сменяется дискурсивным плюрализмом, санкционированный тип рациональности – вариативностью рациональностей, фундирующей языковые игры как альтернативу нормативному языку. По определению Ф. Гваттари, «тип дискурса, лакановский, юнгианский или адлерианский, не так уж важен. Все годится, все приемлемо» [7, с. 23].

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники (типа «мерцизма» К. Швиттерса в дадаизме) в универсальный принцип построения культуры. По Ж.-Ф. Лиотару, эклектизм является нулевой степенью общей культуры (по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге), – и в этом плане культура постмодерна принципиально нелинейна: она описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний (денотативных, предписывающих,

перформативных, технических, оценочных и т. д.)», и невозможно определить «метапредложения» или хотя бы «временный консенсус» для всех языковых игр [15, с. 157]. Идеалом описания и объяснения действительности выступает для постмодернизма идеал принципиального плюрализма, фундированный идеей «заката больших нарратив».

Таким образом, стратегия мировосприятия постмодернизма, получившая название «постмодернистской чувствительности», базируется на фундаментальной культурной стратегии семантизации бытия, на-

ходящей свое выражение в таких установках, как:

– во-первых, отказ от смысла как наличного (презумпция «усмотрения хаоса» и толкования последнего в качестве смыслопорождающего);

– во-вторых, отказ от идеи референции (презумпция принципиальной семиотичности данной человеку реальности);

– в-третьих, отказ от аксиологической приоритетности какого бы то ни было стиля мышления в качестве дискурса легитимации (презумпция принципиальной нарративности и, стало быть, плюральности описания и объяснения).

1. *Барт, Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

2. *Барт, Р.* Семиология как приключение / Р. Барт // *Arbor Mundi / Мировое древо* : междунар. журн. по теории и истории мировой культуры. – 1993. – Вып. II. – С. 79–83.

3. *Бодрийяр, Ж.* Венецианское преследование / Ж. Бодрийяр // *Художественный журнал*. – 1995. – № 8.

4. *Бодрийяр, Ж.* Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // *Искусство кино*. – 1992. – № 10.

5. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // *Философия эпохи постмодерна* / Ж. Бодрийяр. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 32–47.

6. *Вельш, В.* «Постмодерн» : генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // *Путь*. – 1992. – № 1.

7. [Гваттари, Ф.] Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брайой Лихтенберг Эттингер / [Ф. Гваттари] // *Кабинет : картины мира. Психогенез/Техногенез : коллекция perversus* : сб. статей. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. – С. 21–28.

8. *Делез, Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Академия, 1995. – 298 с.

9. *Делез, Ж.* Ризома / Ж. Делез, Ф. Гваттари // *Философия эпохи постмодерна* / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 9–31.

10. *Деррида, Ж.* Позиции / Ж. Деррида. – Киев : Л. Д., 1996. – 192 с.

11. *Джеймисон, Ф.* Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // *Философия эпохи постмодерна* / Ф. Джеймисон. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 118–137.

12. *Ионеско, Э.* Трагедия языка / Э. Ионеско // *Как всегда – об авангарде. Антология французского театрального авангарда* / Э. Ионеско. – М. : Союзтеатр : ГИТИС, 1992. – С. 134–138.

13. Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому : сб. переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 256–273.
14. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // Arbor Mundi / Мировое древо : междунар. журн. по теории и истории мировой культуры. – 1992. – Вып. II. – С. 63–76.
15. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние : доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
16. Мак-Кенс, Д. Этика в постсовременной перспективе / Д. Мак-Кенс // Философские науки. – 1996. – № 1–4.
17. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
18. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – С. 47–96.
19. Brook-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brook-Rose // Reconstructing individualism : Autonomy, individuality, & the self in western thought. – Stranford, 1986. – P. 184–196.
20. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie : L'Anti-Oedipe / G. Deleuze, F. Guattari. – P., 1972. – 470 p.
21. Derrida J. The supplement of copula : Philosophy before linguistics / J. Derrida // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / ed. & with the introd. by Harari J. – London : Allen & Unwin, 1990. – P. 82–120.
22. Federman, R. Take It or leave It: An exaggerated second-hand Tale to be read aloud either standing or sitting / R. Federman. – New York : Chapman & Hall, 1976. – 500 p.
23. Leitch, V. Deconstructive criticism: an advanced introduction / V. Leitch. – L., 1983. – 290 p.
24. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think / C. Lemert. – L. ; Oxford, 1997. – 185 p.
25. O'Neill, J. The Property of Postmodernism / J. O'Neill. – L. ; N.Y., 1998. – 205 p.
26. Smart, B. Postmodernity. Key Ideals / B. Smart. – L. ; N.Y. : John Wiley & Sons, 1997. – 169 p.
27. Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – L. ; Chicago : Univ. of Chicago Press, 1997. – 186 p.

M. MOJEIKO

POSTMODERNISM CULTURAL SPACE: THE PHENOMEN OF SEMIOTIZATING BEING

The crucial aspect of a postmodernist outlook is the presumption of its semiotic (first of all language) articulation of reality. The major of its consequences is the treatment of a language reality as a unique one and not requiring non-language guarantor. As a special aspect of semiotizing being by postmodernism culture a specificity of the ideals of the description accepted in this culture and explanation acts comes out: such ideals are explicitly confirmed by a postmodernism narration and the basic variability of narrations.